

Для буржуазного сознания характерны несколько путей реализации того, что мы называли тезисом о языковых связях.

В одной своей части языковые теории эпохи капитализма стремятся довести этот тезис о языковом родстве до его логического конца, объявляя, что такое родство тождественно племенному, расовому родству и даже является результатом этого расового родства. Так возникают так называемые г е н е а л о г и ч е с к и е т е о р и и языкового родства. Такова первая тенденция.

В другой своей части языковые теории эпохи капитализма стремятся реализовать тезис о языковом родстве на путях изучения формальных особенностей того или другого языка. Так возникают так называемые м о р ф о л о г и ч е с к и е теории языкового родства. Такова вторая тенденция.

Во всяком случае обе эти тенденции, нашедшие свое выражение в классических для западноевропейского языкознания опытах генеалогической и морфологической классификации, не выходят за пределы той общей закономерности, которая указана нами выше для внешней лингвистики эпохи капитализма.

Обе вышеназванные тенденции нашли отражение и в японской лингвистике нового времени. Большое количество исследований посвящено доказательству родства японского языка с тем или другим языком мира. В узком плане сюда привлекаются тунгусский, корейский, малайский языки. В более широком плане сопоставление идет по линии либо урало-алтайских языков, либо индонезийских.

Ниже мы посвящаем особое внимание этим «теориям», причем основное внимание обращаем, так сказать, на «северные» теории происхождения и родства японского языка, поскольку материал этих языков нам знаком больше, нежели материал языков индонезийских.

7. Прежде всего, обратим внимание на более частные исследования, посвященные родству японского языка с тем или другим языком. Здесь в первую очередь следует отметить большую литературу, посвященную японо-корейским языковым связям. Первую скрипку, несомненно, играет в этой области Канадзава Сёдзабуро, доктор филологических наук, лектор Токийского университета и профессор Токийской школы иностранных языков. Вопросу о родстве японского и корейского языка он посвятил несколько книг, из которых отметим две: «Общее происхождение японского и корейского языков», изданная в 1910 г.,⁸ и «О культуре Японии и Кореи в древнее время с точки зрения сравнительного языкознания», изданная в 1913 г.⁹

«Корейский язык, — пишет Канадзава в предисловии к первой из выше-названной работе, — принадлежит к той же самой семье языков, что и японский; фактически он является ветвью японского языка, подобно языку туземцев островов Рюкю. Отношение между ними можно сравнить с тем отношением, которое существует между немецким и голландским языком, каждый из которых является ветвью одного и того же тевтонского древа, или между французским и другим романским языком — испанским. Это ни в коем случае не является новым открытием; ученые как иностранные, так и японские, неоднократно высказывали то же самое мнение, и ни один из изучавших древнеяпонский язык не может не притти к тому же самому заключению.

Из рассказа о прибытии Сусаноо в Сосимори, что в Силла, из упоминаний о большом количестве корейских храмов в Энгисики (книга ритуалов) и Фудоки (этнографические описания провинций), из наличия собственного

⁸ S. Kanazawa, The common origin of the japanese and korean languages, Sanseido, Tokyo, 1910. (Текст на японском языке, приложен английский перевод).

⁹ S. Kanazawa, Über die Kultur Japans und Koreas in alten Zeiten vom Standapunkt der Spachvergleichung ausbetrachtet, Tokio, 1913.